

Гришаков Валерий Васильевич, Седышев Олег Владимирович

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЕНЕЗИСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ
МОРДОВСКОГО КРАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

В статье на основе археологического материала анализируются этнокультурные процессы в Мордовском крае I тыс. до н.э. - первых веков нашей эры. Ставится проблема распространения и интерпретации памятников городецкой культуры раннего железного века. На их основе в Окско-Сурском междуречье в первые века нашей эры формируются основные эпицентры, в которых происходил генезис древнемордовской культуры. Указываются особенности развития этих локальных групп, но констатируется их культурно-историческая общность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/2/17.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(76) С. 68-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

16. Толкушкин А. В. История налогов России. М.: Юрист, 2001. 432 с.
17. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / отв. ред. А. Г. Грязнова. М.: Финансы и статистика, 2002. 1168 с.
18. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М.: Мысль, 1965. 541 с.
19. Ямпольский В. С. Экономическая мобилизация (вопросы теории по опыту мировых войн). М.: ВПА, 1982. 265 с.

BACHELORS' TAX IN HISTORICAL RETROSPECTION

Grigor'ev Igor' Aleksandrovich
Ogarev Mordovia State University
HetStark@yandex.ru

In the article the author provides an analysis and assessment of the bachelors', single and childless citizens' tax. The focus of the work is on consideration of legislative acts of the war time related to this issue. Basing on the analysis of both Soviet and modern literature the researcher makes a conclusion about the place of this tax in economic history of our country. On the basis of the studied materials the paper gives an argumentative assessment of tax policy outcome in this sphere.

Key words and phrases: tax; bachelors; single citizens; childless citizens; social justice; mother-and-child protection.

УДК 902.01

Исторические науки и археология

В статье на основе археологического материала анализируются этнокультурные процессы в Мордовском крае I тыс. до н.э. – первых веков нашей эры. Ставится проблема распространения и интерпретации памятников городецкой культуры раннего железного века. На их основе в Окско-Сурском междуречье в первые века нашей эры формируются основные эпицентры, в которых происходил генезис древнемордовской культуры. Указываются особенности развития этих локальных групп, но констатируется их культурно-историческая общность.

Ключевые слова и фразы: Окско-Сурское междуречье; археологические памятники; железный век; материальная и духовная культура; хронология; расселение; этническая принадлежность; этнокультурные процессы; миграции.

Гришаков Валерий Васильевич, к.и.н., доцент

Седышев Олег Владимирович, к.и.н.

Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
vvg815@yandex.ru; sov323@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЕНЕЗИСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВСКОГО КРАЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Публикация подготовлена в рамках проекта «Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в археологических экспедициях молодежного объединения “Из глубины веков”» в целях реализации программы: «Подготовка и проведение научных экспедиций в сфере этнографии, археологии, геологии, биологии и иных наук» Министерства образования и науки РФ.

Начало железного века в Мокшанско-Сурском междуречье совпало по времени с распространением здесь памятников городецкой культуры, занимавшей обширную территорию от Дона на западе до Самарской Луки на востоке, Саратовского лесостепья на юге и нижегородского правобережья на севере. Еще в середине 60-х гг. XX в. исследователи выделили 7 локальных вариантов культуры [15, с. 19-28], список которых можно дополнить выделенными в особый вариант городецкими памятниками Подонья [14]. Памятники, расположенные на территории Мордовии, были отнесены к центральному локальному варианту [15, с. 26-27].

В Мокшанско-Сурском междуречье памятники городецкой культуры распределены очень неравномерно, но все они привязаны к зонам широколиственных лесов. Подавляющее большинство их концентрируется в бассейне р. Мокша и на ее притоках. Здесь насчитывается свыше 25 городищ и 20 поселений с находками текстильной, псевдорогожной и гладкостенной керамики раннего железного века. В Примокшанье намечаются несколько микрорайонов концентрации памятников: 1) в нижнем теньгушевском течении (Теньгушевское, Нароватовское, Широмазовское городища); 2) в темниковском Примокшанье (Старый город I и II, Итяково, Пургасовское городища); 3) в среднем течении (Шаверское, Самозлейское, Рыбкинское, Ковыляйское городища); 4) иссинская группа (Паевское, Старо- и Новопшеневские, Кочелаевское); 5) средневадская группа (Комсомольские I и II, Каргашинское, Акимсергеевские, Тарвал-Молотовские городища). В пределах микрорайонов наблюдается определенная иерархическая структура памятников. Основным видом памятников, определяющих структурную ячейку, являлись укрепленные постоянно функционирующие поселения, рядом

с которыми в поймах и на первых надпойменных террасах находились кратковременные стоянки, связанные с сезонным охотничье-рыболовским промыслом [4].

В Посурье памятники раннего железного века единичны – Красноярское городище в Приплатырье [Там же, с. 268], Симкинское городище в Березниковском течении Суры и Ош-Пандо в Среднем Посурье, а находки на пойменных поселениях крайне редки и не привязаны к укрепленным пунктам.

Керамическая посуда из напластований разделяется на два культурных комплекса: 1) собственно городецкий, состоящий из керамики с сетчатыми (текстильными) и псевдорогожными отпечатками; 2) гладкостенной и близкой к ней штрихованной керамики, которая на различных памятниках и слоях составляет разную долю. По мнению некоторых исследователей, второй комплекс является позднейшим на городищах и может быть генетически связан с древнемордовскими керамическими традициями.

Данные стратиграфии некоторых городищ, распределение гладкостенной керамики в напластованиях и культурно-типологический анализ позволяют говорить о том, что подобная гладкостенная керамика, украшенная ямчатым, прочерченным, жемчужным, циркульным орнаментами при преобладании тычкового, характерна для совершенно иного хронологического и этнокультурного круга памятников – бондарихинского типа конца I тыс. до н.э. – VII в. до н.э. На территории Примокшанья памятники с гладкостенной тычковой посудой предшествуют появлению носителей сетчатой и псевдорогожной керамики и, судя по материалам эталонного памятника этого типа – Каргашинского городища, датируются не позднее VII-VI вв. до н.э. К начальному этапу распространения собственно городецких племен в Примокшанье, пришедших, скорее всего, из районов Среднего Поочья, можно отнести напластования достаточно хорошо изученного Ново-Пшеневского городища в Среднем Примокшанье, где еще исследованиями 1950-х гг. прослежено перекрытие стерильного слоя с тычковой керамикой слоем, содержащим собственно городецкую посуду [1].

Дальнейшее направление этнокультурных процессов определяло взаимодействие этих двух культурных традиций, результатом которого стало распространение синкретической посуды с текстильными отпечатками, поверх которых наносился ямчатый, жемчужный, циркульный и тычковый орнаменты. Судя по заметному уменьшению доли гладкостенной керамики в поздних напластованиях, ассимилирующей стороной выступали племена городецкой культуры. Характерный памятник этого этапа – Теньгушевское городище в Нижнем Примокшанье [2, с. 92].

К сожалению, последующие процессы в раннем железном веке практически не освещены в материалах Мокшанско-Сурского междуречья, что не позволяет делать даже предположительные выводы [3]. Соответственно, остается открытым и вопрос о верхней дате городецких памятников региона. По крайней мере, по мнению некоторых исследователей, традиция изготовления сетчатой и псевдорогожной керамики исчезает в первые века нашей эры, чему, в целом, не противоречит керамический комплекс памятников постгородецкого времени, представленный в Андреевском кургане.

Могильники и поселения первых веков нашей эры, появившиеся вслед за классическими памятниками городецкой культуры с текстильной и псевдорогожной керамикой известны в научной литературе как древности андреевско-писеральского типа. Эталонами для них являются комплексы Андреевского кургана и поселения в Большеигнатовском районе Республики Мордовия [11], Сендимиркинское могильника в Вурнарском районе Республики Чувашия [9]. Кроме эпонимного памятника к ним относится Староардатовский курган [7]. Все они сосредоточены в основном на компактной территории в приграничной зоне участка бывшей луговой степи с широколиственными лесами в бассейнах рек Пьяна и Меня (притоки Суры).

Изучение взаимовстречаемости предметов в мужских и женских комплексах Андреевского, Староардатовского курганов и их синхронизация по ряду идентичных маркеров позволяет выделить четыре группы погребений. Их относительная хронология убедительно устанавливается по планиграфии и стратиграфии памятника и соответствует в целом делению на грунтовые и впускные захоронения. К захоронениям первой группы относится центральное грунтовое погребение 25 Андреевки и Староардатовский курган, время совершения которых приходится на середину I в. н.э. Несмотря на общие показательные черты погребального обряда с древнейшими захоронениями, погребения второй группы имеют принципиально новые элементы в материальной культуре, свидетельствующие о генезисе грунтовых захоронений. В матрице взаимовстречаемости мужских комплексов их объединяют 19 из 24 признаков, что говорит об их хронологической и этнокультурной преемственности. Хронологические рамки грунтовых погребений второй группы, которые накапливались на памятнике не более чем на протяжении жизни уже взрослого поколения (около 25 лет), чему как раз соответствует небольшое их число и половозрастной состав, приходится на третью четверть I в. н.э.

Резкий диссонанс между второй и третьей группами является не только хронологическим индикатором, но и следствием радикальной смены этнокультурной среды памятника. **Третья группа** образует наиболее тесные и упорядоченные связи с комплексами **четвертой** посредством ряда украшений костюма, бытовых предметов и керамики. В то же время она отличается от последней составом и типами вооружения, а также наличием в женских погребениях височных подвесок. Причем, в комплексах третьей группы наблюдается переработка отдельных элементов первых двух групп, чего нет в погребениях четвертой группы. Отмеченные различия между погребениями третьей и четвертой групп отражают не хронологическую, а социальную стратификацию впускных погребений. В целом, верхняя хронологическая граница третьей и четвертой групп впускных погребений, имеющих узкие хронологические маркеры, приходится на начало (может быть, первую четверть) II в. н.э., а их основная масса была совершена в последней четверти предыдущего столетия.

Появление памятников андреевско-писеральского типа, как единодушно считают исследователи, связано с проникновением в местную среду инородного населения, которое связывается, как правило, с сарматами,

господствовавшими в это время в европейских степях. Однако, как показывает проведенный культурно-типологический анализ, эта версия базируется в большей степени на случайном совпадении отдельных артефактов, которые не образуют характерного для этих кочевников комплекса культуры.

Значительно более широкие основания для этнокультурной атрибуции дало сопоставление древнейших комплексов Андреевского типа с погребальными памятниками лесостепной полосы Поволжья, Приуралья и Западной Сибири. Прослеженное сочетание – общность элементов погребального обряда и основных типов вещей – говорит о том, что это были выходцы из области пьяноборского мира, скорее всего чегандинской культуры. Этому не противоречат и прослеженные в погребальном обряде признаки (курганный обряд погребения, круговое расположение могил вокруг центральной ямы с плечиками, опорные столбы перекрытий), которые, как показала их картография, связаны в большей степени не с сарматской, а саргатской (угорской) культурой Зауралья и Западной Сибири, часть носителей которой, по мнению исследователей, в последние века до н.э. начала уходить на запад. Одним из проявлений этого процесса было появление в пьяноборской среде таких памятников, как Кипчаковский курганно-грунтовой могильник II-I вв. до н.э. в бассейне нижнего течения Белой, непосредственно предшествовавший андреевским древностям. Исходя из состава погребального инвентаря, появление андреевских древностей в Посурье было связано не с миграцией какой-то определенной части народа, а с военным «выплеском». Поэтому погребения, фиксирующие начало проникновения такой разбойничьей ватаги в местную среду, единичны и, в отличие от остальных грунтовых захоронений, представлены еще не усложненными местными традициями «чистыми» комплексами пришельцев.

Дальнейший процесс формирования Андреевского кургана достаточно четко выявляется при анализе состава колчаных наборов из погребений второй группы и их взаимовстречаемости с другими категориями вещей в погребениях. Использование пришельцами местных форм наконечников, в том числе и переработка их на свой лад, свидетельствует, бесспорно, о восприятии ими некоторых черт материальной культуры местного населения.

Взаимоотношения сопровождалось установлением брачных связей с представительницами местного населения, свидетельство чему – появление среди грунтовых могил второй группы женских и детских захоронений. Социальный статус этих женщин и детей в определенной степени соответствовал положению главы семьи, о чем говорят наличие даже в детских погребениях золотых височных подвесок и их могильные сооружения. Существенным аргументом в пользу автохтонной принадлежности погребенных женщин в грунтовых могилах является также глиняная посуда, которая не имеет ничего общего с керамикой из могильников пьяноборского круга и связана, безусловно, с местными традициями. Необходимо отметить, что основные типы керамики, встреченные в мужских грунтовых погребениях второй группы Андреевки, широко представлены во впускных погребениях памятника. Тот факт, что пришельцы стали использовать посуду, производимую руками местных женщин, еще раз подтверждает версию их появления в результате военного «выплеска». Однако, будучи немногочисленными по отношению к аборигенам, завоеватели быстро растворились в их среде. Они привнесли кардинальные изменения в мировоззрение местного населения, выразившиеся в его переходе к грунтовому обряду погребения, но не оставили после себя существенных следов в местной материальной культуре.

Вместе с тем хронологическая преемственность грунтовых и впускных могил на памятнике несомненна – они накапливались на некрополе в довольно короткий хронологический период. Об этом, помимо анализа наборов наконечников стрел из впускных погребений, говорят прослеженные при раскопках случаи проседания впускных погребений в засыпку грунтовых могил, которая еще не успевала достаточно просесть.

Таким образом, в развитии памятников андреевского типа можно выделить две основные фазы. Фаза 1а (середина I в. н.э.), представленная центральным погребением 25 Андреевского кургана и Староардатовским курганом, фиксирует появление в Посурье пришлого населения, выходцев с территорий пьяноборского мира. На фазе 1б (третья четверть I в. н.э.), которую характеризуют грунтовые погребения Андреевки второй группы, они вступают в активные контакты с местным финским населением, в результате которых, будучи малочисленными, достаточно быстро растворяются в аборигенной среде. Фаза 2, охватывающая последнюю четверть I – начало (может быть, первую четверть) II в. н.э. и маркируемая впускными погребениями третьей и четвертой групп Андреевки, демонстрирует уже генезис культуры местного облика, впитавшей в себя традиции погребальной обрядности пришельцев.

Тезис некоторых исследователей об основной роли пьяноборского компонента в формировании погребального обряда впускных погребений может быть принят только с учетом факта пьяноборской принадлежности погребенных в грунтовых могилах Андреевки. Их обрядность, действительно, была перенята населением, оставившим впускные захоронения, так как в его среде, скорее всего, проживали потомки от смешанных браков пришельцев с выходцами из местной среды. Между тем их материальная культура была фактически нивелирована, так как, появившись в результате военного «выплеска», не имела под собой социальной, экономической и этнической базы.

К общефинским типам украшений следует относить широкорамчатые застёжки, от которых ведут свое происхождение пластинчатые бляхи с радиальной прорезью, распространившиеся затем в мордовских, рязанско-окских и азелинских древностях. Как показывают параллели, далеко за пределами пьяноборского мира известны шейные гривны с замком в виде петли и крючка с грибовидной головкой, спиральные и круглопроходные браслеты с грибовидной головкой, пряжки с раскованными и заклепанными концами, которые в большей степени характерны для впускных погребений Андреевки, нежели для памятников других культур. Серия однолезвийных мечей с навершием в виде рожек в Андреевке не менее представительна, чем в многочисленных пьяноборских могильниках. Вместе с тем в ременной гарнитуре из впускных погребений

широко употреблялись широколопастные привески с овальным круглопроволочным основанием, которые, кроме андреевских древностей, неизвестны. Поэтому наиболее выразительным этнокультурным маркером населения, оставившего впускные погребения Андреевского кургана, является глиняная посуда, идентичная и для основной части грунтовых могил, о чем уже говорилось. Прделанная в этом направлении работа показала, что традиции изготовления андреевской посуды находят продолжение в ранней древнемордовской керамике, и прежде всего в посуде могильников селиксенского типа в Верхнем Посурье [5, с. 101-103]. Все это позволяет говорить о том, что население, оставившее впускные погребения Андреевского кургана, приняло непосредственное участие в создании древнемордовского культурного комплекса.

Финал раннего железного века на пространствах междуречья Оки и Суры совпал с появлением первых грунтовых могильников древней мордвы, этнокультурным индикатором которых являются височные подвески с грузиком на стержне, обмотанном проволокой и свернутом в спираль на верхнем конце. Вопрос о происхождении древнемордовской культуры сейчас решается достаточно однозначно, и дискутировавшаяся в историографии XX в. гипотеза о пришлом (прикамском) компоненте в настоящее время не находит сторонников. Об автохтонном формировании основных этнокультурных признаков свидетельствует в первую очередь керамический материал из ранних древнемордовских комплексов и его несомненная связь с предшествующими традициями андреевского времени.

В географическом и этнокультурном отношении ареал распространения мордовских древностей распадается на три четко очерченных локальных района: 1) могильники Верхнего Посурья и Примокшанья; 2) памятники арзамасского течения р. Теша; 3) могильники Нижнего Посурья. Все три группы привязаны к участкам широколиственных лесов обязательно рядом с границей бывшей луговой степи, что было связано с системой ведения хозяйства, базировавшегося на земледелии и приселищном скотоводстве.

Памятники, сосредоточенные в верхних течениях Суры и Мокши в пределах современной Пензенской области, являются наиболее изученными и позволяют здесь, в отличие от других районов, проследить перманентное развитие древнемордовской культуры в рамках всего рассматриваемого периода. Изучение типологии находок и их корреляция в комплексах позволили распределить древности Верхнего Посурья и Примокшанья на семь групп. Их относительная хронология основана на четких эволюционных цепочках ряда древнемордовских украшений (пластинчатые и дисковидные бляхи, височные подвески, застезки-сюльгамы и т.д.), а абсолютная – на перекрестной датировке хронологических индикаторов, в первую очередь на широко представленной в мордовских комплексах ременной гарнитуры (пряжки, накладки, наконечники ремней), позиция которой в европейской археологии сейчас разработана очень подробно.

Предлагаемая хронология групп выглядит следующим образом: 1 группа – первая половина III в. н.э.; 2 – вторая половина III в.; 3 – первая половина IV в.; 4 – вторая половина IV – начало V в.; 5 – V в.; 6 – VI – начало VII в.; 7 – VII в. Сопоставление выделенных групп захоронений с особенностями погребальной обрядности памятников позволило предложить схему этнокультурных процессов в верхнем Посурье и Примокшанье, которая отличается от традиционной.

Совершение первых захоронений на верхнесурских могильниках (Селиксенском, Усть-Узинском, Шемышейском) относится ко времени не позднее начала III в. н.э. Одновременно с ними в Верхнем Примокшанье начинают совершаться погребения в Ражкинском могильнике. Сопровождающий их погребальный инвентарь убедительно демонстрирует синхронность древнейших комплексов обоих микрорайонов, представленных **1 группой**. Вместе с тем не вызывает сомнения сосуществование в это время двух локальных традиций. Одна из них проявляется в памятниках Верхнего Посурья, другая – представлена в могильниках верхнего течения Мокши. Формирование материальной культуры примокшанского населения здесь проходило под воздействием западных импульсов (лопастные височные кольца, браслет круга изделий с выемчатой эмалью, шпора), тогда как генезис культуры присурского населения испытывал большее влияние прикамских (позднепьяноборских) импульсов (сапожковидные привески, полуцилиндрические гофрированные пронизи, некоторые типы бляшек). Однако последнее объясняется не различными этнокультурными компонентами, составляющими эти памятники, а традиционными контактами по речным артериям – Мокше, входящей в Окский бассейн, и Суре, связанной с Прикамьем.

Утвердившееся ранее мнение на основании северной ориентировки погребенных о том, что древнейшие захоронения Ражкинского могильника были оставлены какой-то группой так называемого «кошибеевского» населения, не вполне обосновано. Так, западная ориентировка характерна для Селиксы, южная – Шемышейки, головой на восток – для Усть-Узы. Как видно, определенные группы древнемордовского населения верховьев Мокши и Суры придерживались своих традиций при ориентировке покойных, что говорит о незавершенности консолидационных процессов в данном районе. Их принадлежность к единому древнемордовскому присурскому культурному очагу бесспорна на основании стандартных комплексов женских захоронений обеих групп с височными украшениями в виде подвесок с грузиком и керамической посуды [10, с. 71-74].

Погребения **2 группы** демонстрируют плавную эволюцию комплексов, фиксируемую как смену вариантов украшений ряда типов и керамической посуды.

Погребения **3 группы**, основная масса которых представлена в появившемся рядом с Селиксой Селикса-Трофимовском могильнике первой половины IV в., в предложенных ранее этногенетических схемах связывались с приходом на верхнесурские пространства населения из районов низовьев Мокши и Средней Оки. Однако, как показывает культурно-типологический анализ, основные признаки, наблюдаемые в 3 группе – восточная ориентировка покойных, тюльпановидная посуда, появление застезек-сюльгам и новых типов

гривен, – являются не всегда инновационными и имеют в основном местное происхождение. Так, восточная ориентировка еще в III в. была характерна для Усть-Узинского и Алферьевского могильников. Ряд исследованных в последние годы ранних усть-узинских комплексов содержит тюльпановидные горшки, более близкие к селикса-трофимовским, чем рязанско-окские, которые отличаются более вытянутыми пропорциями. Ареал же распространения новых типов украшений далеко не ограничивается средним течением Оки, а, наоборот, во многих из них просматривается восточное (позднепьяноборско-азелинское) влияние, связанное с интенсификацией торгово-экономических связей между этими регионами и, возможно, отдельными этнокультурными контактами. И, наконец, ряд инноваций генетически связан с местными традициями, в том числе и преемственность всех основных типов керамической посуды. Таким образом, появление Селикса-Трофимовского могильника является отражением малой миграции в пределах рассматриваемого района и вполне соотносится с процессами унификации культуры, тенденции к которой все больше намечались.

В **4 группе** погребений, выявленных преимущественно на Тезиковском могильнике, наблюдается сосуществование двух этнокультурных традиций, наиболее выразительно прослеженных в керамическом комплексе. Первая, автохтонная, продолжает в общих чертах местные традиции, но на новом уровне. Это находит выражение в смене биконического на бипирамидальный грузик височных подвесок, встречающиеся прежние формы можно рассматривать как пережиточные, на основе которых появляются черты новых. Другая традиция демонстрирует проникновение на пространства верхнего Примокшанья нового населения, принесшего характерную чернолощеную керамику в виде цилиндрико-конических и биконических чаш, ребристых мисок, а также проушные клиновидные топоры, ажурные литые украшения, изделия с эмалью, своеобразные пластинчатые пряжки и т.д. Подобный культурно-хронологический горизонт прослеживается в рязанско-окских могильниках, где он связывается исследователями с инфильтрацией в IV-V вв. в финскую среду групп позднедьяковского и мощинского происхождения.

Таким образом, около середины IV в. в древнемордовскую среду Примокшанья влилась группа населения, ядро которого составляли носители западных (восточнобалтских) традиций. Они, судя по наличию некоторых элементов в культуре, или определенное время прожили в рязанско-окской среде и переняли некоторые обычаи и типы украшений, или вовлекли в движение вверх по Мокше каких-то ее носителей. По-видимому, это движение сопровождалось кратковременным, но достаточно мощным импульсом, так как с их приходом перестают использоваться древнемордовские могильники верхнего Посурья (Селиксенский, Шемьшейский, Усть-Узинский и др.), активно функционировавшие в III – первой половине IV в. Это было связано, скорее всего, с каким-то территориальным перераспределением древнемордовского населения в пределах рассматриваемой ойкумены. В дальнейшем традиции пришлого населения проявляются по сути дела только в керамическом комплексе V-VII вв. и связаны с распространением остросереберных форм керамики [8].

Погребения **5 группы** относятся к ранней поре Великого переселения народов и выделяются с началом использования Армиевского могильника с характерной для последующих верхнесурских древностей южной ориентировкой покойных. По-видимому, она выработалась не в результате синтеза местного древнемордовского и пришлого населения, а возобладали в локальном районе течения Узы (левый приток Суры), где, судя по шемьшейским комплексам, применялась еще с III в. н.э., откуда стала распространяться в дальнейшем. Материальная культура этой группы в целом генетически связана с предшествующими комплексами.

В погребениях **6 и 7 групп**, когда на фоне стабилизации возобновляются захоронения на Селиксенском могильнике, складывается новый в наибольшей степени, по сравнению с предыдущими группами, унифицированный набор признаков материальной и духовной культуры мордовского населения верховьев Суры и Мокши. С оттоком из этого района основной части населения в конце VII – начале VIII в. они находят непосредственное продолжение в могильниках Цнинско-Вадского междуречья, связанных с культурой мордвы-мокши.

Погребальные памятники Потешья, расположенные компактной группой по левому низкому берегу на первых надпойменных террасах, изучены очень неравномерно [12; 16]. Поэтому при определении хронологии важна их перекрестная датировка с выделенными группами на материале могильников Верхнего Посурья и Примокшанья, так как они уверенно коррелируются основными типами украшений, имеющих древнемордовское происхождение.

Наиболее ранние древности в этом районе выделяются пока только на материалах могильника Стексово II, где погребения 75, 78, 112 могут быть отнесены ко **2 группе** и датированы соответственно второй половиной III в. н.э. Все они совершены по обряду труположения головой на запад, что характерно для ранних погребений Селиксенского могильника в верхнем Посурье. К сожалению, весьма ограниченный объем данных каких-либо выводов этнокультурного характера делать не позволяет, хотя поразительная идентичность комплексов с верхнесурскими позволяет говорить об их чрезвычайной близости.

В отличие от ранних комплексов, здесь прекрасно представлены материалы, которые коррелируются с **4-7 группами** могильников верхнего Посурья и Примокшанья и датируются соответственно IV-VII вв. н.э. По могильникам они распределяются следующим образом: комплексы 4 и 5 группы представлены в материалах Абрамовского и отчасти Погибловского (Малиновского) могильников, а 6-7 группы, кроме вышеуказанных, встречаются в Кужендеево, Красном III и Заречное II. Несмотря на чрезвычайно близкий характер верхнесурских находок с потешскими, в последних более четко выделяются комплексы второй половины IV – V в. Они обладают устойчивыми сочетаниями признаков, что свидетельствует о плавной эволюции материальной культуры населения арзамасского течения Теши. Это подтверждается и анализом погребальной обрядности, которая стабильна на всем протяжении рассматриваемого времени и характеризуется северной

ориентировкой покойных. Имеются отдельные случаи захоронения коней на территории Абрамовского могильника, обряд, неизвестный на верхнесурских памятниках.

Дальнейшая эволюция могильников этого типа прослеживается на местных материалах, выделяемых по древностям типа Перемчалкинского могильника, и была связана с генезисом эрзянской культуры.

Могильники Нижнего Посурья включают памятники, расположенные по обоим берегам Суры при ее впадении в Волгу (Таутовский, Иваньковский, Волчихинский) и в нижнем течении Пьяны (Сергачские могильники). В этой группе могильников представлены комплексы, которые могут быть датированы ранее рубежа II-III вв. н.э. и, следовательно, постандеевским временем. Таутовское и сергачские «Кожина Слобода» погребения содержат хронологические маркеры (пластинчатые бляхи с концентрическими валиками, фибула боспорского типа, зеркало, меч с навершием в виде рожек и т.д.), которые предшествуют верхнесурским древностям I группы [6]. В целом, для них характерна северная ориентировка погребенных, сохранявшаяся на всех последующих этапах развития локальной группы.

К сожалению, нижнесурские могильники, как и потешские, изучены в разной степени, и не все этапы их развития могут быть освещены на основании имеющегося материала. Не прослежены в них пока материалы 1-3 групп (III-IV вв.). Древности **4 группы** четко представлены в небольших по объему материалах Сергачского могильника «Святой Ключ» и ранних, но не совсем выразительных комплексах Волчихинского могильника. Погребения **5 группы** представлены только в захоронениях Иваньковского могильника [13]. По-прежнему погребения 4-5 групп совершены по обряду трупоположения головой в северном направлении.

Особенностью погребального обряда нижнесурских комплексов, которые можно синхронизировать с **6-7 группами**, является значительная доля трупосожжения умерших на стороне в обычных прямоугольных ямах, как и при трупоположениях. Если в VI-VII вв. содержание трупосожжений в могильниках верхнего Посурья и арзамасского течения Теши не превышает 10%, то в Волчихинском и Иваньковском некрополях они составляют более половины погребенных. Анализ погребального инвентаря показывает, что достаточных оснований связывать распространение обряда кремаций с какими-либо инокультурными традициями нет. Как и в арзамасских могильниках, здесь известны единичные погребения коней. В целом, материальная культура нижнесурских погребений этого времени интегрируется с мордовскими древностями первых двух регионов, хотя можно отметить широкое распространение в мужских захоронениях застежек с крылатой иглой, отражавших, по-видимому, социальный статус погребенного.

В Волчихинском и Иваньковском могильниках дальнейшее развитие нижнесурского локального варианта прослеживается в комплексах VIII – начала IX в., которые относятся уже к последующему этапу развития средневековой мордовской культуры.

Таким образом, III-VII вв. стали временем формирования основ древнемордовской культуры, которое происходило на обширных пространствах Окско-Сурского междуречья, в трех основных эпицентрах. На основании имеющегося на сегодняшний день материала можно констатировать, что в отличие от потешского и нижнесурского, сурско-примокшанский очаг отличался большим динамизмом этнокультурных процессов. Это, скорее всего, объясняется природно-географическим расположением района, который находился, с одной стороны, на стыке со степными пространствами, а с другой, у истоков важных и удобных для самых различных контактов в пределах правобережья Волги таких водных артерий, как Мокша и Сура. В целом, несмотря на определенную унификацию материальной культуры в VI-VII вв., свидетельствующей о параллельном развитии протомокшанской и протозрзянской общностей, процессы их становления в рассмотренный период еще были не завершены.

Список литературы

1. **Алихова Е. А.** Некоторые древние городища Мордовской АССР // Алихова Е. А., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: археологический сборник: в 2-х т. Саранск, 1959. Т. 2. С. 98-116.
2. **Вихляев В. И.** Новые раскопки Теньгушевского городища (городецкий комплекс) // Древние поселения Примокшанья. Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1992. Вып. 104. С. 76-103.
3. **Гришаков В. В.** Андреевский курган № 2 – поминально-жертвенный памятник андреевско-писеральского горизонта // Археология Поволжья: сб. науч. статей. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, 2001. С. 34-37.
4. **Гришаков В. В.** К вопросу о расселении племен Примокшанья и Посурья в раннем железном веке // Социальные и гуманитарные исследования: традиции и реальность. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 2010. Вып. XII. С. 267-270.
5. **Гришаков В. В.** Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1993. 196 с.
6. **Гришаков В. В.** Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Пензенский археологический сборник. Пенза: Пензенский институт развития образования, 2010. Вып. 3. С. 103-120.
7. **Гришаков В. В.** Староардатовский I курган и его место в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2000. Вып. 2. С. 44-54.
8. **Гришаков В. В.** Хронология мордовских древностей III-IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Пенза: Пенз. ин-т развития образования, 2008. Вып. 2. С. 56-111.
9. **Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Михайлов Е. П., Мясников Н. С., Седышев О. В.** Сендимирицкий могильник – новый памятник первой четверти I тыс. н.э. в северной части Сурско-Свияжского междуречья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани: в 5-ти т. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 320-323.
10. **Гришаков В. В., Давыдов С. Д., Седышев О. В., Сомкина А. Н.** Мордовские племена накануне Великого переселения народов (Усть-Узинский могильник III-IV вв.). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2016. 195 с.
11. **Гришаков В. В., Зубов С. Э.** Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

12. **Мартьянов В. Н.** Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2001. 322 с.
13. **Мясников Н. С.** Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I-VIII вв. н.э. в свете археологических данных. Чебоксары, 2013. 72 с.
14. **Разуваев Ю. Д.** Городецкие поселения лесостепного Подонья: некоторые итоги и проблемы исследования // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2011. С. 45-51.
15. **Смирнов А. П., Трубникова Н. В.** Городецкая культура. М.: Наука, 1965. 39 с.
16. **Ставицкий В. В.** История изучения древностей Абрамовского могильника // Археология восточноевропейской лесостепи: в 2-х т. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2008. Т. 2. С. 86-98.

BASIC TENDENCIES OF ARCHEOLOGICAL CULTURE GENESIS WITHIN THE MORDOVIAN TERRITORY IN THE EARLY IRON AGE AND AT THE BEGINNING OF THE MIGRATION PERIOD

Grishakov Valerii Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Sedyshev Oleg Vladimirovich, Ph. D. in History
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseyev
vvg815@yandex.ru; sov323@yandex.ru

Relying on archeological material the article analyzes ethnocultural processes within the Mordovian territory in the 1st millennium B.C. – the first centuries A.D. The authors consider the problem of propagation and interpretation of Gorodets culture monuments of the early Iron Age. They stimulated formation of the basic epicenters, in which Old Mordvinian culture genesis occurred, in the Oka – Sura interfluvium region in the first centuries A.D. The paper identifies developmental peculiarities of these local groups but concludes on their cultural and historical integrity.

Key words and phrases: the Oka – Sura interfluvium region; archeological monuments; The Iron Age; material and spiritual culture; chronology; resettlement; ethnic affiliation; ethnocultural processes; migrations.

УДК 141.201

Социологические науки

В статье исследуются жизненные стратегии студенческой молодежи как особой социально-демографической группы, их самоопределение в различных сферах деятельности и интеграция в общество. Показано, что выбор жизненных стратегий молодежи зависит от социально-экономического состояния общества, качества образовательного и социального капитала студентов. Исследование определило большую часть молодежи как носителей конструктивных и активных жизненных стратегий, при высокой доле патерналистских позиций, что естественно для ситуации социально-экономической нестабильности. Материалы могут быть использованы для совершенствования учебного и воспитательного процесса в вузе.

Ключевые слова и фразы: жизненные стратегии; студенческая молодежь; социальный капитал; образовательный капитал; региональный социум; самоопределение молодежи; выбор профессии; шкала ценностей.

Губина Наталья Константиновна, к.э.н., доцент

Шарова Марина Александровна, к. филос. н.

Зайцева Татьяна Васильевна

Бова Элеонора Юрьевна, к. с.-х. н., доцент

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

nkgubina@mail.ru; sharov.kaluga@mail.ru

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗА И КАЧЕСТВО ЕЁ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Важную роль в понимании перспектив развития общества играет проблема формирования и реализации жизненных стратегий студенческой молодежи как особой социально-демографической группы. Самореализация и самоопределение молодых людей в различных сферах жизнедеятельности, их интеграция в общество во многом определяются либерализацией и отказом от унифицированных моделей их развития. Самостоятельный выбор жизненных ориентиров выступает как результат расширения пространства самореализации, появления большого числа альтернатив личностного и профессионального развития. В процессе данного выбора усиливается значение субъектного начала молодежи в организации и актуализации путей собственного жизненного проектирования.

Жизненные стратегии можно охарактеризовать как динамическую систему представлений личности о формировании жизнедеятельности посредством соответствующих способов и ресурсов [5, с. 138]. В исследовании жизненных стратегий молодежных групп использована классификация, представленная в работах: Т. Е. Резник и Ю. М. Резник [8], К. А. Абульхановой-Славской [1], где жизненные стратегии дифференцированы по типам: стратегии самореализации, стратегии достижения успеха, повседневные (обыденные) стратегии.

Выбор жизненных стратегий молодежи зависит от социально-экономического состояния общества, уровня развития культуры, принадлежности к определенной социальной группе, влияния традиций, идеалов и ценностей, доминирующих в обществе в данный исторический период времени. Важнейшими факторами формирования жизненных стратегий личности являются характеристики её образовательного и социального капитала.